

книга эта назначена для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то въ нее вошли одни только несомнѣнныи результаты. Изученіе греческой этимологіи по грамматикѣ Курціуса несравненно легче, нежели напр. по учебникамъ Кюнера и Крюгера, такъ какъ это руководство, не обременяя памяти заучиваніемъ многочисленныхъ, по видимому совершенно случайныхъ формъ, главнымъ образомъ дѣйствуетъ на способность мышленія, показывая общіе законы образованія этихъ формъ. Что касается словосочиненія, то оно изложено весьма ясно; въ особенности же мнѣ понравился взглядъ автора на времена глагола. Здѣсь онъ, кромѣ таѣ называемой имъ Zeitstufe (время настоящее, прошедшее, будущее) различаетъ еще Zeitart, которую, какъ говорить авторъ, въ большей части случаевъ не можетъ выразить ни латинскій языкъ, ни нѣмецкій. Но эта Zeitart соответствуетъ именно видамъ нашихъ русскихъ глаголовъ. Русскій языкъ точнѣе можетъ передать неокончательное наклоненіе греческаго аориста, нежели латинскій или нѣмецкій. Грамматика Курціуса введена во многихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Германіи, между прочимъ она очень распространена въ великому герцогству Баденскомъ. Еще въ 1859 г. изданы для употребленія въ высшихъ классахъ гимназій «Aufgaben zum Uebersetzen in's Griechische», съ ссылками на одно изъ прежнихъ изданій этой грамматики.

Гейдельбергъ, 10/31 декабря 1862 года.

10) А. Веселовскаго.

Каѳедра исторіи всеобщей литературы еще не получила въ Германіи права гражданства, въ томъ смыслѣ по крайней мѣрѣ въ какомъ существуетъ каѳедра всеобщей исторіи, общей филологии и т. п. Стоитъ только просмотрѣть программы нѣмецкихъ университетовъ за текущій годъ чтобы увѣриться въ этомъ: имена Hökh'a (въ Гёттингенѣ), Швейгера (тамъ же), Мерлекера (въ Кёнигсбергѣ), Löher'a (въ Мюнхенѣ) ничѣмъ не заявили себя въ наукѣ.

Съ другой стороны исторія частныхъ литературъ обрабатывается дѣятельно, болѣшею частью въ связи съ исторіей языка и чтеніемъ какого нибудь текста. Въ этомъ отношеніи нѣмецкіе ученые далеко остались за собой все что дѣжалось или дѣляется какими либо другими учеными. Дицъ, Эберть, Барчъ, Blanc, Деліушъ, Келлеръ, Ваккернагель стоятъ во главѣ романской науки — а я называлъ только тѣхъ, которые занимаютъ каѳедры въ университетахъ и не упомя-

нуль о Ф
историо и
нѣмецкой
историо в
большія и
отъ дѣла.
Германіи,
ществует

Мы пр
истории. В
общечелов
которыя в
рыя отвл
щая у на
нимъ и т
онъ факт
заимствов
улучшени
тельно ра
исторіи ч
ходовъ. 1
родностей
переведен

Теперь
ность мат
подготовы
извѣстнос
день въ
прагматич
ности фал
зора русс
умнѣмъ».
маніи, ко
рѣчіяхъ,
литератур
ratur der
кой liter
о томъ,
библіотек

нуль о Фердинандѣ Вольфѣ. Эберть читаетъ въ этомъ семестрѣ исторію итальянской литературы, Царнке въ Лейпцигѣ — исторію нѣмецкой — до реформаціи, Мюлленгофъ читалъ прошлымъ лѣтомъ исторію нѣмецкой литературы до XIII столѣтія. Я не пускаюсь въ большія подробности, потому что онѣ завели бы слишкомъ далеко отъ дѣла. А дѣло въ томъ, что каѳедра всеобщей литературы, въ Германіи, гдѣ есть и всеобщая исторія и общая филология — не существуетъ.

Мы предполагаемъ ея возможность, хоть бы въ смыслѣ всеобщей исторіи. Всеобщая исторія не есть исторія человѣчества, какой то общечеловѣческой идеи, проявляющейся въ различныхъ авторахъ, которыхъ называютъ народностями; это исторія народностей, которая отвлеченная мысль собрала подъ одну идею человѣчества. Общая у нихъ на столько, на сколько всѣ они развиваются по одному и тѣмъ же физическимъ и нравственнымъ законамъ, на сколько они фактически связаны между собою, воиной и миромъ, путемъ заимствованія и завоеванія. Общаго у нихъ и то стремление къ улучшенію быта, которое называютъ прогрессомъ. За тѣмъ относительно разнаго рода общихъ идей и формъ, проявляющихся въ исторіи человѣчества, существуетъ столько же учений, сколько приходовъ. Всеобщая исторія остается все-таки общею исторіей народностей; мы не ошибемся, если исторіей всеобщей литературы переведемъ общею исторіею литературъ.

Теперь понятно, почему такой исторіи не существуетъ. Громадность матерьяла запугала бы лучшія силы, на одну филологическую подготовку пошли бы десятки лѣтъ. А собирание и приведеніе въ извѣстность матерьяла, который далеко не весь собранъ и приведенъ въ извѣстность? Мы, призывающіе русскую науку, считаемъ прагматическую исторію русской литературы, при настоящей скучности фактическихъ данныхъ — дѣломъ невозможнымъ. Авторъ «обзора русской духовной литературы» считалъ его даже «дѣломъ неумнымъ». Мы удивляемся, когда въ 1862 году въ той ученой Германіи, которая читаетъ и преподаетъ на всѣхъ семитическихъ нарѣчіяхъ, слышимъ такія же почти слова. «Всѣ исторіи (нѣмецкой) литературы», говоритъ Веллеръ, (*Annalen der poetischen Nationalliteratur der Deutschen im XVI und XVII Jahrh.*); «всѣ исторіи нѣмецкой литературы были до сихъ порь отрывочны т. е. онѣ говорили о томъ, что попалось ихъ авторамъ подъ руку въ той или другой библіотекѣ или о чёмъ уже говорили прежде. Очеркъ Гёдеке, са-

мый лучшій въ этомъ родѣ, не говорить ничего о сокровищахъ библиотекъ вѣнской, мюнхенской, дрезденской, ульмской, аугсбургской, вюрцбургской, нюренбергской и швейцарскихъ.....; наши анналы насчитываютъ 2000 стихотвореній больше чѣмъ очеркъ Гёдеке, и то только въ первыхъ трехъ отдѣлахъ. Мы обращаемъ вниманіе на то, что историку литературы приходится въ тоже время быть и издателемъ и археологомъ, и возить и строить. Не говоря уже о людяхъ специально посвятившихъ себя издательской дѣятельности — чего не издали Гриммы? Издание нѣмецкихъ сказокъ, пѣсней Эдды стоитъ въ генеалогической связи съ нѣмецкой миѳологіей. Такое отсутствіе первого условия всякаго экономически развитаго производства, отсутствіе раздѣленія труда, прямо указываетъ, что производство стоитъ на низкой степени развитія. Мы говоримъ о политической экономіи, какъ о наукѣ новой, но уже опредѣлившейся, имѣющей свое будущее и ясно-проложенные передъ собой пути; о наукѣ народной психологіи тоже говоримъ какъ о много обѣщающей хоть и живущей однимъ журналомъ. О всеобщей литературѣ не говоримъ ничего, какъ не говоримъ о математикѣ, о музыкѣ и другихъ свободныхъ искусствахъ, удручающихъ человѣчество со временемъ Марціана Капеллы. А между тѣмъ это только *pia fraus*, самообольщеніе, и науки всеобщей литературной исторіи пока не существуетъ, ее остается еще создать.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое исторія всеобщей литературы, да и литературы вообще? Литература — письменность; но этимъ исключается народный эпосъ, пѣсня и все громадное богатство неписанныхъ памятниковъ, которые не тонутъ и не горятъ, потому что не писаны, и только органически старѣются и вымираютъ. Литература — словесность. Этого опредѣленія испугался предложившій его ученый и почувявъ чебывалые размѣры, поспѣшилъ укрыться отъ него, какъ Илья Муромецъ захлопнулъ крышку вадъ Святогоромъ богатыремъ. Въ самомъ дѣлѣ — словесность? Чего-чего не подойдетъ подъ это опредѣленіе: исторія науки, поэзіи, богословскихъ вопросовъ, экономическихъ системъ и философскихъ построеній. Дистанція огромнаго размѣра. Но опредѣленіе не для одного человѣка дѣлается а наука еще менѣе, и мы не видимъ почему бы приходилось исключить изъ исторіи словесности хоть бы исторію науки? Въ первой книжкѣ Зибелевскаго журнала высказано было нѣсколько мыслей по поводу того, что еще остается сдѣлать германской исторической наукѣ: исторія науки поставлена была на видъ будущимъ

изслѣдователямъ. Я не знаю почему бы это предложение не могло быть сдѣлано въ любомъ литературно-историческомъ журналѣ. Мне замѣтить, что исторія науки сама по себѣ, отдельная область знанія, исторія философіи—тоже специальность, исторія церкви—тоже. Но въ такомъ случаѣ что же такое исторія литературы?

Такимъ образомъ мы незамѣтно переходимъ къ тому ходячemu опредѣленію исторіи литературы, которое ограничиваетъ ее однимъ кругомъ изящныхъ произведеній, поэзіей въ обширномъ смыслѣ. Опредѣленіе узкое, въ какомъ обширномъ смыслѣ ни принимать поэзію. Почему именно отведена исторіи литературы область изящнаго и въ какихъ предѣлахъ? Я не думаю чтобы кто нибудь въ наше время останавливался преимущественно на эстетическихъ вопросахъ, на развитіи поэтическихъ идей. Времена реторикъ и пітическъ прошли невозвратно. Даже тѣ господа, которые изъ исторіи литературы желали бы сдѣлать исторію поэзіи, приводятъ въ защиту себя вовсе не поэтическое оправданіе, взятое изъ другаго лагеря: поэзія—цвѣтъ народной жизни, та нейтральная среда, гдѣ безконечно и цѣльно высказался характеръ народа, его цѣли и задушевныя стремленія, его оригинальная личность. Оправданіе уничтожаетъ само себя и прямо ведетъ отъ поэзіи къ жизни. Въ самомъ дѣлѣ чтобы понять цвѣтъ этой жизни, т. е. поэзію, надо, я думаю, выйти отъ изученія самой жизни, чтобы ощутить запахъ почвы надо стоять на этой почвѣ. Исторію провансальской поэзіи нельзя ограничить біографіями трубадуровъ да сирвентезами Берtrand'a de-Born'я и нравоучительными пѣснями Джираута де-Borneyль. Біографіи трубадуровъ поведутъ къ рыцарству, къ жизни замковъ и судьбѣ женщинъ въ средніе вѣка; на яркомъ фонѣ крестовыхъ походовъ яснѣе выскажется значеніе любовной пѣсни; а сирвентезы заставятъ говорить объ альбигойцахъ и ихъ непоэтической литературѣ. Я думаю, что изъ обозрѣнія не слѣдуетъ исключать и провансальского луцидарія и дидактическаго трактата объ охотничихъ птицахъ и наставленія жонглёр. Все это также относится къ исторіи литературы, хотя и не имѣть претензіи называться поэзіей; раздѣлить то и другое было бы также неумѣстно, какъ если бы кто вздумалъ ограничить свое изученіе Данте одной поэтической экономіей его комедіи, предоставивъ специалистамъ его исторические намеки, средневѣковую космогонію и богословскіе диспуты въ раю. Специальныя изслѣдованія этимъ еще не исключаются, точно также какъ не исключается исторія науки.

Самъ проф. Шевыревъ, установивъ понятіе объ исторіи литературы какъ изящной словесности, былъ вынужденъ разширить свое опредѣленіе, когда дошло дѣло до фактовъ. Его исторія русской словесности всего менѣе исторія поэзіи; если въ ней преобладаютъ житія и проповѣди, то это только отчасти объясняется его предileкціей къ тому и другому нравственному роду; на самомъ дѣлѣ иначе и быть не могло и намъ кажется что пропорціи соблюдены вѣрно. Ярославово серебро было, разумѣется, не у мѣста. Если въ исторіи итальянской поэзіи Рута намъ сообщается въ двухъ толстыхъ томахъ множество подробностей о романистахъ и новелльерахъ и почти ничего о Маккьявелли — только какъ объ авторѣ Мандрагоры, — то это и не исторія литературы, а поэзіи какъ называлъ ее самъ авторъ. Исторія итальянской поэзіи безъ Маккьявелли, безъ Джордано Бруно? Такое отсутствие не окупается ни историческими введеніями, ни географической и политической ориентировкой, ни главами о внутреннемъ бытѣ, которая съ иѣкотораго времени вошли въ моду и привѣщаются сзади, ни къ селу ни къ городу, безъ всякаго внутренняго отношенія къ содержанію книги. Такія приложения ничего не помогаютъ, ничего не разъясняютъ, только прибавляютъ лишнюю рубрику на стѣсненіе и горе будущимъ списателямъ литературы. Пока историческая и бытовая сторона будетъ только приложеніемъ, Beiwerk, литературного разысканія, до тѣхъ поръ исторія литературы останется тѣмъ же, чѣмъ была до сихъ поръ, библиографическимъ сборникомъ, эстетическимъ эскурсомъ, трактатомъ о странствующихъ сказаніяхъ или политическою проповѣдью. До тѣхъ поръ исторія литературы существовать не будетъ.

Мы снова обратимся къ журналу Зибеля, особенно интересному для насъ по тѣмъ взглядамъ на историческую науку, какой высказали въ немъ передовые люди нѣмецкой исторіографіи, по тѣмъ надеждамъ какія они возложили па будущее развитіе этой исторіографіи. Въ одной изъ первыхъ книжекъ, въ короткомъ отчетѣ о книгѣ Бидермана, неизвѣстный критикъ высказалъ свое сомнѣніе на счетъ возможности исторіи культуры — *Kulturgeschichte*. Книга Бидермана служить ему примѣромъ: не смотря на талантъ автора вышло ли у него что нибудь цѣльное, органическое? Цѣльного ничего не вышло, всего по не многу, политическая исторія и бытъ, археология и литература, философія и чего-чего еще иѣтъ? Что если всѣ науки поднимутся и пойдутъ походомъ на *Kulturgeschichte*

и всякая возьметъ свою часть? всю Kulturgeschichte разберутъ по частямъ и ничего не останется. Исторический отдѣль отойдеть къ исторіи, философскій къ философіи; исторія культуры — ein Unding, а есть исторія исторіи, исторія философіи, литературы и т. д. Еслибы спросить автора что такое исторія литературы, мы не знаемъ, нашелся ли бы онъ отвѣтить на трудный вопросъ. Еслибы не нашелся — мы предложимъ свой отвѣтъ: исторія литературы и есть именно исторія культуры.

Теперь ясно, почему исторія всеобщей литературы не нашла себѣ постоянной каѳедры въ нѣмецкихъ университетахъ. Когда цѣлые книги пишутся о частицахъ *meu* и *de* и баскскомъ глаголѣ «быть», когда есть люди всю жизнь посвятившіе изученію Данте или бретонского круга сказаний, исторія литературной жизни одного какого нибудь народа тоже требуетъ цѣлой жизни. Чтобы вполнѣ понять и оцѣнить народъ въ томъ, что составляетъ его личность, его самобытность, нужно самому сдѣлаться народомъ, вжиться въ него, акклиматизироваться въ немъ, если вы не родились въ его средѣ, перенять его странности и привычки. Общностями тутъ отдѣлаться нельзя, заключенія о цѣльности развитія, объ общемъ характерѣ народной жизни — если онъ есть, — должны стоять въ результатахъ длиннаго ряда микроскопическихъ опытовъ, не быть точкой отправленія; иначе предстоитъ опасность принять свой собственный взглядъ за фактъ. Чѣмъ цѣльнѣе иногда является народная жизнь, тѣмъ осторожнѣе и кропотливѣе должно быть изысканіе, чтобы внутреннюю стройность развитія не принять за внутреннюю связь явлений. Факты жизни связаны между собой взаимной зависимостью, экономические условия вызываютъ известный исторический строй, вмѣстѣ они обусловливаютъ тотъ или другой родъ литературной дѣятельности, и нѣть возможности отдѣлить одно отъ другаго. Это цѣлая система кровообращенія, гдѣ каждая жилка, забившаяся въ конецъ живаго тѣла, въ прямой генеалогической связи съ сердцемъ и еще неизвѣстно — что въ этомъ сердцѣ, поэзія или проза, и одна ли только поэзія составляетъ цвѣтъ народной жизни?

Лучшія исторіи литературы были написаны людьми, составившими себѣ европейскую извѣстность трудами по политической исторіи: Гервинусомъ, Шлоссеромъ, Ранке (его соч. *Zur Geschichte der Italienischen Poesie* до сихъ поръ имѣеть значеніе). Мы заключаемъ обратно: хороший историкъ литературы долженъ быть вмѣстѣ и историкомъ быта. Скажите мнѣ, какъ народъ жилъ и я скажу вамъ

какъ онъ писалъ: лучшіе историки литературы серьозно обратились къ *Kulturgeschichte* — я укажу только на Вейнгольда. Фраза Эмерсона, что каждый изъ насъ переживаетъ въ своемъ уютномъ микрокосмѣ всю необъятную исторію человѣчества — останется все-таки красивой, въ высшей степени гуманной фразой; надо имѣть слишкомъ широкое сердце и оно можетъ кончить аневризмомъ. Хорошо коли удастся пережить въ себѣ хоть одну народную жизнь. Исторія литературы въ томъ смыслѣ, въ какомъ я ее понимаю, возможно только специальная.

Возможна ли подобного рода разработка литературной исторіи у насъ въ Россіи — это другой вопросъ. Кажется что невозможна. Наука у насъ стоитъ еще на степени первобытного хозяйства, приходится многое дѣлать однѣми руками, что при болѣе развитыхъ условіяхъ жизни распредѣляется между многими рабочими единицами. Да и при желаніи специализироваться — на чёмъ остановиться, на что преимущественно обратить вниманіе, когда еще ничего нѣтъ и нѣтъ выбора? Надо по возможности дать больше prolegomena литературной исторіи, надо помочь осмотрѣться въ массѣ фактovъ, обозначить точки опоры, на которыхъ потомъ можетъ остановиться другой болѣе счастливый и болѣе специальный трудъ. Такое энциклопедическое обозрѣніе, разумѣется, не должно исключать самостоятельности; если оно не пролагаетъ новыхъ путей, оно должно по возможности провѣрить пройденные западной наукой, чтобы не вводиться слѣпо словами наставника и не повторять заученныхъ задовъ. Таково по моему мнѣнію назначеніе каѳедры всеобщей литературы въ русскихъ университетахъ: не специальное изслѣдованіе и недовѣріе руководствамъ и знанію изъ вторыхъ рукъ, а передача результатовъ западной науки, критически провѣренныхъ и освѣщенныхъ.

Такъ я понялъ мое дѣло и выбралъ въ Берлинѣ нѣсколько специальныхъ курсовъ.

Я слушаю здѣсь Мюлленгофа, бывшаго профессора въ Килѣ, филолога Лахмановской школы. Это послѣдній боецъ за роковой кладъ нibelungовъ, который многимъ писателямъ причинилъ нескончаемыя бѣды. Еще не такъ давно происходила послѣдняя борьба за *Niebelungenhort* между Мюлленгофомъ съ одной стороны, Holtzmann'омъ и Zarnke съ другой; множество голосовъ отозвалось на нее со всѣхъ сторонъ, ученая Германія еще разъ раздѣлилась. Мюлленгофъ остался при взглядахъ Лахмана, упорно стоять на 20-ти народныхъ пѣсняхъ вошедшихъ въ составъ поэмы нibelungовъ и

теперь въ особомъ курсѣ развиваетъ свои критические положенія. До чтенія текста онъ еще не дошелъ и все еще читаетъ введеніе, куда входитъ исторія вопроса, его библиографія, разборъ Лахмановскихъ тезисовъ и опроверженіе противной школы. Нѣсколько лекцій посвящено было древненѣмецкой метрикѣ и въ настоящее время разбираются источники саги. Я не считаю себя въ правѣ дать теперь же отчетъ о лекціяхъ Мюлленгофа о nibelungахъ, предоставляемъ себѣ поговорить о нихъ въ будущемъ отчетѣ, когда я буду въ состояніи судить о цѣломъ курсѣ. «Говорятъ, что *jurare in verba magistri не слѣдуетъ*», сказалъ какъ то Мюлленгофъ; «да,— если брать ихъ на слово, не повѣривъ ихъ, не подвергнувъ критическому разбору. Если передъ лицомъ критики онѣ окажутся состоятельными— отчего и не *jurare*». Я не ручаюсь за дословную вѣрность приведенной фразы, но за смыслъ ея ручаюсь. Шокаясь дѣйствительно можно, если въ критикѣ нѣть предилекціи и безсознательно закупленного взгляда.

Другой курсъ Мюлленгофа обѣ Эддѣ приноситъ мнѣ гораздо больше пользы. Ему предшествовало обзорѣніе грамматики съвернаго языка, короткій обзоръ рукописей и исторіи двухъ Эддѣ; теперь идетъ чтеніе текста старой Эдды. Миѳологическихъ объясненій почти ни какихъ или такія, что не приносятъ ничего новаго; бытовыя черты разъясняются изрѣдка когда того требуетъ непонятное мѣсто текста; все время отдано филологическому комментарію. Въ такой то рукописи читается такъ, въ другой иначе, при толкованії Вѣлуспы обращено было исключительное вниманіе на чередованіе строфъ, которое дѣйствительно установить трудно; почти невозможно, да это и не повело бы ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Чувствуется въ каждомъ приемѣ нѣмецкій, специальный до непрактичности курсъ; между тѣмъ занимающихся студентовъ чрезвычайно мало.

Чтобы познакомиться съ методомъ чтенія общихъ курсовъ въ нѣмецкихъ университетахъ, я слушаю у Гоше курсъ средневѣковой литературы. Гоше — лахманянецъ и орьенталистъ; онъ написалъ что то о Гаццали и читаетъ въ университетѣ персидскій языкъ. Такъ какъ подобная специальности рѣдко окupaются, то общий курсъ является подспорьемъ. Христіанство и язычество, отходящее язычество и наступающее христіанство — вотъ двѣ главныя рубрики, за которыми и въ книги ходить нечего. Третья рубрика,— борьба язычества съ христіанствомъ. Подраздѣленія составляютъ народ-

ности, подраздѣленія второй руки — поэтическіе и прозаическіе роды. Прибавьте къ этому разсужденію о германскомъ и романскомъ элементѣ, о лирическомъ характерѣ средневѣковаго развитія, и къ каждому отдѣлу библіографію. Извѣстно, какой богатый материаль для исторіи развитія новоевропейской мысли представляетъ латинская литература первыхъ вѣковъ христіанства. Въ твореніяхъ Августина было надъ чѣмъ остановиться. Между тѣмъ весь этотъ отдѣлъ мы прослушали по книгахъ Бера, Бернгарди и др.

Кромѣ специальныхъ курсовъ я слушаю еще исторію искусства у профессора Вагена. Къ сожалѣнію Вагенъ началъ читать поздно и предметъ взялъ такой широкій, что ему приходится читать довольно сжатое обозрѣніе. Для меня собственно полезны только тѣ лекціи, которые сопровождаются хожденіемъ по музею и наглядною повѣркою прочтеннаго. Вагенъ обѣщасть дольше остановиться на XV и XVI вѣкахъ, а византійскаго периода коснется только въ общемъ обзорѣ.

Изъ моихъ частныхъ занятій укажу только на работы съ проф. Маномъ, извѣстнымъ знатокомъ провансальскаго языка, издателемъ трубадуровъ, памятниковъ баскскаго языка и этимологическихъ разысканій, часть которыхъ вошла въ новое изданіе Dietz'ова словаря. Кстати о средневѣковщинѣ тяготѣющей по сю пору надъ нѣмецкими университетскими порядками. Всѣмъ извѣстно какое широкое развитіе приобрѣла въ Германіи наука романскихъ нарѣчій, особенно въ послѣднее время; оно вызвало основаніе особаго журнала — и не вызвало ни одной каѳедры. Только этой зимою Цейпцигскій университетъ рѣшился основать первую каѳедру романскихъ нарѣчій, на которую приглашенъ Эбертъ изъ Марбурга. Говорятъ дѣло стоило борьбы и усилий. Барчъ въ Ростокѣ преподаетъ частнымъ образомъ; даже Дицъ, глава и основатель науки, считается въ Боннѣ на каѳедрѣ нѣмецкаго языка и еще въ этомъ семестрѣ читаетъ Ульфилу, а романскія нарѣчія — только на частномъ основаніи. Въ Берлинѣ ихъ никто не читаетъ.

Берлинъ, 10%, декабря 1862 г.

11) Магистра Миллера *).

Пріѣхавъ въ Берлинъ въ началѣ сентября новаго стиля я, собразно съ моимъ намѣреніемъ заняться сравнительнымъ изученіемъ

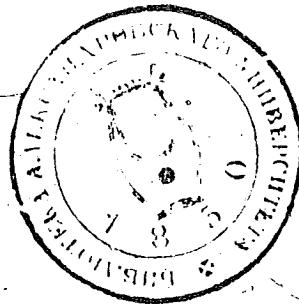
*) Г. Миллеръ командированъ за границу безъ пособія отъ правительства.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ЧАСТЬ СХVII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1668.